

Национализм и его

двойственность

Утвердительная и отрицательная самости в греческом национализме

Современная политическая панорама мира доказывает, что предсказание об упадке национализма под влиянием укрепившейся теории модернизма¹ выражало скорее надежду, нежели научный факт. Как писал Майкл Игнатьев (Ignatieff, 1993: 5), «угнетенный возвратился, и имя ему – национализм». Враждебное отношение к национализму по сути отодвинуло на второй план значимые научные изыскания в этой области. Попытка преодолеть сложившуюся ситуацию и сгладить противоречия обернулась повторением основных дихотомий в национализме, вроде этнический vs гражданский, восточный vs западный или немецкий национализм vs французский. В каждом случае одна часть относится к «плохому» национализму, а другая предполагает «правильный», ради которого каждой нации и стоит бороться.

В связи с этим не часто можно наблюдать появление научных работ, хотя бы не погребенных под тяже-

стью подобных разграничений, а уж тем более преодолевших их. Лишь в немногих исследованиях объективно рассматриваются устойчивость национализма и те причины, по которым люди несмотря ни на что сохраняют приверженность национальным чувствам. К таким исключениям относится работа Георга Шёпфлина (Schöpflin, 2000: 51–65), в которой автор отмечает, что национализм придает окружающему миру значение путем создания «космоса» из «хаоса». Соответственно, возникает хорошо упорядоченный мир, в котором люди могут существовать в человеческих сообществах. Создание того, что является нормальным и естественным, достигается за счет «культурного воспроизводства». Функция национальной идентичности в придании миру значения, на которую указал Г. Шёпфлин, как правило, была вне сферы внимания ученых и нуждается в дальнейшей теоретизации.

¹ При таком понимании подъем национализма рассматривается как иррациональное атавистическое явление. В частности, марксистская теория «неправильного адреса в истории» предусматривает, что «история предназначала свое послание для классов, но оно ошибочно было доставлено нациям» (Yack, 1999: 114). В том же духе и Эли Кедури (Kedourie, 1960) считал национализм всего лишь случайностью.

Исходя из этого, настоящая работа представляет собой попытку изучить то, как конкретно национализм создает для мира значение, и какой вклад эта психологическая функция вносит в устойчивость национализма. На примере новогреческой национальной идентичности будет показано, как и почему греческий национализм приобрел свойственную ему двойственность и каковы механизмы ее уравнивания. В этих целях мы будем часто обращаться к социальной психологии, используя ее достижения в области изучения национализма.

I. Изменение рамок национализма

Попытки вывести изучение национализма на теоретический уровень носили ограниченный характер из-за сильной закрытости самого объекта исследования. По-видимому, создать единую всеобъемлющую теорию невозможно, да в этом и нет особой практической пользы. Тем не менее, этот факт не должен служить оправданием тому, что в течение длительного времени работы в области национализма находились на слабом теоретическом уровне. Как утверждает Юли Тамир (Tamir, 1999), в то время как либералы считают национализм примитивным выражением эмоций, не достойным какой бы то ни было теории, националисты воздерживаются от каких-либо обобщений из опасения, что последние отодвинут на второй план их особость, а в чем-то даже и избранность. Существу-

ющие ныне дихотомии наподобие противопоставления этнического и гражданского национализма также не способствуют дальнейшим теоретическим разработкам. Представляется, что более перспективным в разрыве этого порочного круга будет междисциплинарный подход при изучении национализма.

Причины и характер устойчивости национализма до настоящего времени рассматриваются в основном в контексте его связи с политической структурой или этнокультурной составляющей. Психологические функции практически не затрагиваются. На основании данных социальной психологии в настоящей работе доказывается, что национальная идентичность выполняет ключевую функцию в создании имеющего значение мира. Кроме того, она поддерживает стабильность и формирует чувство собственного достоинства. Национализм выполняет эти функции через создание национальных «схем», под которыми мы понимаем *«высоко организованные и обобщенные структуры в памяти, которые отвечают за познание и ячейки памяти»* (Morgan & Schwalbe, 1990: 148–164).

Эти «схемы» обеспечивают людей «шаблонами для интерпретации». Последние снижают познавательную активность субъекта при интерпретации им каких-либо событий (Monroe et al., 2000: 423). «Схемы» служат своеобразными ярлыками, указывающими на способ понимания того или иного явления. События, укладываемые в эти «схемы»,

имеют гораздо больше шансов быть воспринятыми, чем информация, противоречащая сформировавшимся «схемам». Последняя может быть искажена или даже проигнорирована. Субъект воспринимает искаженную картину мира, чтобы поддержать чувство собственного достоинства, быть последовательным в своих взглядах или согласовывать их со взглядами других (Monroe et al., 2000: 424). Такое избирательное восприятие и объясняет стабильность социальной идентичности субъекта.

Поддержка чувства собственного достоинства принадлежит к числу фундаментальных желаний любого человека. Именно оно может стать ключом к пониманию силы национальной идентичности. Генри Тайфель, анализируя социальную идентичность именно в этом контексте, пришел к выводу, что люди, как правило, отдают предпочтение той группе, в которой они состоят (in-group), а не внешним группам (out-groups), даже если и первые, и вторые представляют собой только искусственные конструкции. Простое образование группы, до этого не наделенной значением, порождает внутригрупповую лояльность (in-group favoritism) (Tajfel, 1970: 96 – 102).

В результате члены группы получают мотивацию еще раз заявить о своем самоуважении перед соответствующими внешними группами.

Более того, наблюдается тенденция к возникновению негативных стереотипов об указанных группах, даже в тех случаях, когда нет борьбы за ресурсы. В отличие от того, что утверждает теория рационального выбора, самоуважения, получаемого индивидуумами от положительной оценки собственной группы, вполне достаточно, чтобы подчеркнуть самоидентификацию и свое превосходство над другими группами.

Теории модернизма², которые предполагают ослабление религиозных и национальных уз и усиление рационализации в индустриальных обществах, фактически отрицают на их взгляд «нерациональные», но вместе с тем основные человеческие качества. Классические модернистские теории утверждают, что национализм возникает в результате перехода от традиционного общества к современному. Для Эрнста Геллнера (Gellner, 1983) переход от аграрного к индустриальному обществу, который сопровождался развитием «высокой» культуры, обслуживаемой унифицированным национальным языком, вел к возникновению нации. Э. Геллнер определяет национализм как *«прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»* (Gellner, 1983: 1)³. Только пос-

² О национализме как о современном феномене см.: Kedourie, 1960; Gellner, 1983; Anderson, 1983; Hobsbawm, 1990. Об этно-символическом подходе, признающем исконные корни нации, см.: Smith, 1991.

³ Перевод цитаты дан по русскому изданию: Геллнер, Э. Нации и национализм: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. – Прим. переводчика.

ле индустриализации политические единицы могут рассматриваться как культурное целое, что характерно для государств-наций.

Если довести эту аргументацию до логического конца, возникает причинно-следственная связь между модернизмом и упадком национализма в связи с «атомизацией общества» и «размыванием классовых барьеров» (Jenkins & Sofos, 1996: 169). В индустриальном обществе высокая мобильность, распад местных общин, высокая рационализация и индивидуализм должны были уменьшить значение культурных и этнических различий. Таким образом, модернисты считают, что из-за постепенного ослабления своих основ национализм приходит в упадок. Однако социально-экономическое основание модернистской теории не учитывает того, что национальная идентичность служит также и для удовлетворения других потребностей, в частности, потребности принадлежать к группе, в которой реализуется чувство собственного достоинства.

Норманн Вэйн (Wayne, 1999) определил нацию как «сообщество чувства» (community of sentiment) в веберовском понимании. По его мнению, нужно исследовать, как эта психологическая связь, возникающая из чувства родства, служит для формирования идентичности. Целостное психологическое изучение национализма не является целью данной работы. Основной акцент в ней сделан на двойственности самого национа-

лизма в контексте поддержки чувства собственного достоинства.

Национальная идентичность анализируется в двух плоскостях: в плоскости *утвердительной (национальной) самости* (positive self) и плоскости *отрицательной (национальной) самости* (negative self). Утвердительная самость указывает на сформулированные внутри группы характерные особенности нации на основе ее культуры, этнической принадлежности и прошлого; отрицательная же самость определяется по отношению к другим и указывает на не характерные для нации особенности.

В этой связи в работе выдвигаются два положения. Во-первых, утвердительная (определенная самой группой) самость носит двойственный характер, так как в целях поддержания чувства самоуважения черпает из разных источников, а значит, ведет к разным, если не к взаимно противоречивым, характеристикам данной нации. Такая двойственность обеспечивает достаточную гибкость для утверждения чувства национального превосходства. Во-вторых, двойственность и нелогичность в том сплаве, который называется утвердительной самостью, компенсируются акцентом на негативной самости. Последняя связана с тем, как нация позиционирует себя по отношению к другим. Здесь уже подчеркиваются не те характеристики, которыми нация обладает, а те, которые ей не свойственны. Выдвинутые положения раскрываются на основе новогреческого национализма, а также на том способе, с помощью

которого он вводит прошлое в национальную идентичность.

II. Дискуссии об Александре

История, как и историография, имеет значение. Более века назад Фридрих Ницше подчеркнул этот тезис в своей основополагающей работе «О пользе и вреде истории для жизни». Немецкий философ перечислил три функции истории: монументальная, антикварная и критическая (Nietzsche, 1998).

«Монументальная» польза истории дает деятельному существу образцы величия через описания великих мужей и событий прошлого. Она компенсирует потребность иметь примеры, которым можно было бы подражать, подхлестывает стремление к идеалу и подпитывает веру в единство и непрерывность величия во все времена.

«Антикварная» польза направлена на человека охраняющего и почитающего, формируя у него уважение к традиции. Ницше считал, что эта функция истории особенно важна для слабых людей: без нее они были бы восприимчивы к космополитическим идеям. Прошлое придает смысл нашему существованию. Философ так пишет об этом: «... Чувство благополучия дерева, пустившего прочные корни, счастье, связанное с сознанием, что твое существова-

ние не есть дело случайности и произвола, но есть наследство, цвет и плод известного прошлого и что оно в этом находит свое извинение и даже оправдание...»⁴

И, наконец, «критическая» польза истории служит для выявления и разрушения изживших себя элементов прошлого. Она позволяет пролить свет на сохранившиеся несправедливости, а значит, и исправить их. Прошлое же можно использовать как пример, санкционирующий те современные явления, которым в противном случае не было бы оправдания.

Акцент, сделанный Ницше на истории, а также ее монументальной функции, должно быть, хорошо поняли греческие патриоты. Иначе сложно объяснить, почему недавно вышедший на экраны фильм вызвал, казалось бы, неактуальные дискуссии об Александре Великом (Александре III Македонском, 356–323 гг. до н. э.), расширившем эллинский мир до Индии.

В 2004 г. эпическая картина Оливера Стоуна «Александр» спровоцировала культурную и информационную войну между греческими и македонскими националистами. Камнем преткновения был вопрос, кто имеет больше прав считать Александра деятелем своего национального прошлого. На самом деле конфликт начался в первой половине 1990-х гг., когда Греция чуть не вторглась в только что появившуюся на карте мира Рес-

⁴ Цитата приведена по русскому изданию: Ницше, Ф. *О пользе и вреде истории для жизни* // Сочинения в 2 томах. Т. 1. Литературные памятники / Ф. Ницше. М.: Мысль, 1990. С. 158–230. – *Прим. пер.*

публику Македонию. Возмущение греков вызвало то, что бывшая югославская республика использовала на своем флаге Солнце Вергины, символ Александра⁵, а на своих банкнотах поместила изображение Белой Башни, одного из памятников города Фессалоники (Салоники), столицы греческой провинции Македония (Gibbons, 2004).

В последующие годы миллионы были истрачены на войну с целью возратить наследие Александра. В северной Греции царю возвели множество памятников, переименовали улицы и школы, археологи провели масштабные раскопки в поисках наследия прежних времен (Gibbons, 2004). Прошлое стало местом конкуренции национализмов. В реальности же между греками и македонцами шла борьба вокруг определения идентичности, дабы придать ей мнимую завершенность (Danforth, 1995: 224).

III. Прошлое как составная часть нации

Такую чувствительность греков по отношению к македонскому вопросу⁶ можно объяснить доминированием прошлого при определении греческой идентичности⁷. Сразу же после получения независимости (1829–1830) греческое государство

уделило пристальное внимание укреплению национальной идентичности через ее связь с античностью. Это было вполне объяснимо, так как «для Греции прошлое имеет особое значение. Стало обыкновением ... говорить «современная Греция» или «новогреческий», так как «Греция» и «греческий» по-прежнему означают античный мир» (Clogg, 1992: 1). Более того, современное греческое государство находится там, где когда-то находилась классическая Греция (Raptis, 1998: 82).

Не только греки использовали глубокую древность для формирования своей национальной идентичности. Однако греческий случай заслуживает особого внимания, так как претензии страны на наличие прямой и неразрывной связи с древностью признаны повсеместно. Античная Греция стала для новой нации мощным инструментом не только для формирования представления о себе, но и для доказательства своей идентичности всему остальному миру. Именно Греция – в большей степени, чем какое-либо другое национальное государство – воспринимается как «возрождение» античной политики, а не как абсолютно новое образование (Fleming, 2001).

Современное греческое государство возникло в результате массового антиосманского движения. Нахо-

⁵ Как результат давления Греции в 1995 г. Солнце Вергины исчезло с флага Македонии, его заменила стилизованная модификация. – *Прим. пер.*

⁶ Подробное рассмотрение македонского вопроса см.: Pettifer, 1999.

⁷ Энтони Смит (Smith, 1991: 22) подчеркивает важность прошлого, вводя термин «этническая группа» (ethnie), в которой ключевыми элементами являются миф об общем происхождении и совместная историческая память.

дившиеся под влиянием идей Просвещения греческие националисты создали национальное государство при поддержке европейских держав (Vickers & Vouloulos, 2007: 507). Вопреки тому, что утверждал Э. Геллнер, видевший в национализме результат индустриализации, Греция не могла похвастаться успехами в этой области, а возникновение национализма предшествовало развитию капиталистической экономики. Более того, когда независимость Греции была признана Лондонским протоколом 1831 г., страна еще не выработала общей культуры, на основе которой происходил бы процесс формирования нации. Несмотря на то что под влиянием идеалов Просвещения в стране были созданы институты европейского типа, основная масса населения по-прежнему *«была привержена традициям, проживала в сельской местности и оставалась глубоко религиозной»* (Triandafyllidou, 2005: 181).

В таких условиях греческие националисты придерживались либеральной концепции гражданства; однако в отсутствие греческого государства именно принадлежность к греческому этносу призвана была объединить разобщенное население региона (Vickers & Vouloulos, 2007: 515). Таким образом, хотя ранний греческий национализм развивался под влиянием идей Французской революции и Просвещения, *«нация фактически была*

определена ... общим происхождением, культурой и языком» (Triandafyllidou & Paraskevopoulou, 2002: 79).

Развитие греческой историографии тесно связано с процессом становления греческого национального государства. В соответствии с одним из основных идеологических постулатов, новогреческое общество и государство символизируют возрождение Древней Греции после долгих лет подчинения другим нациям. Константин Схинас (Constantine Schinas), первый ректор основанного в 1837 г. Афинского университета, предложил *«образ поработанной Греции, передаваемой из рук в руки от македонян к римлянам, а от них к византийцам и туркам»*. Такое видение прочно укоренилось в первой версии официальной греческой историографии со времени Восстания 1821 г. (Liakos, 2008: 204–205).

Под влиянием идей Просвещения, приоритет в национальной истории был отдан классическому периоду Древней Греции. В последующие десятилетия историческое оформление национального самосознания получило дальнейшее развитие. Другие периоды, которые должны были подкрепить национальную историю, постепенно включались в нее благодаря стараниям различных греческих историков, начиная от Константиноса Папарригопулоса (Constantinos Paparrigoroulos) (1815–1891) и заканчивая Спиридоном Ламбросом (Spyridon Lambros) (1851–1919)⁸.

⁸ Начиная с появления в XIX в. «Истории греческой нации», написанной Константиносом Папарригопулосом, до опубликования 15-томной «Истории греческой нации» (первое издание – в 1971 г.) в греческой историографии насчитывалось три научных школы: школа греческого Просвещения, марксистская школа и школа новой истории. Подробно о них см.: Liakos, 2004.

Так как при определении греческой нации прошлое было поставлено во главу угла, историография получила исключительное значение. Любое научное или художественное произведение, противоречащее официальной истории, могло стать вызовом государственному национализму и подвергнуться шквалу критики. Ученые, которые стремились показать многообразие Греции, лакуны в национальной идентичности или ее во многом искусственный характер, рисковали быть уличенными в «антигреческих» настроениях (конкретный случай см.: Rougheri, 1998).

Независимо от действий властей, история не представляет собой однолинейный процесс, а значит, затруднительно проследить линейное прошлое «всегда существующих» национальных общностей. При формировании наций в большей степени наряду с избирательным использованием прошлого характерно создание определенных символов и традиций. В процессе определения греческой идентичности наблюдалось соперничество между различными интерпретациями. Для поддержания чувства национального самоуважения можно использовать самые разные, пусть и противоречивые, символы, которые вызывают гордость нации и подчеркивают ее престиж. Это

порождает неопределенность и непоследовательность при определении идентичности, хотя последняя и подается как нечто монолитное. В греческом случае эллинское и византийское наследие постоянно используется в качестве маркеров того, что является греческим. Подобная комбинация выливается в такие явления, как «православное язычество».

III. Европейский взгляд: когда совершенство оборачивается проблемой

Древняя Греция в Европе имеет особый статус как колыбель Западной цивилизации (Vickers & Vouloulos, 2007: 508). Представить новогреческое общество и государство как возрождение этого античного идеала – а значит, связать греческую нацию с таким великим наследием – было делом весьма заманчивым. Такой же сложной задачей было преодоление той огромной пропасти, которая разделяла идеализированные представления об античности и реальности новогреческого периода.

Основной труд по изучению греческой античности, а значит, и созданию новогреческого национализма, был выполнен европейскими учеными⁹. Первыми историками новой

⁹ В настоящей работе под национализмом имеется в виду исключительно «банальный национализм», как его метко охарактеризовал Майкл Биллиг (Billig, 1995). О националистических движениях речь в статье не идет.

Греции были европейские филэлины¹⁰, изучавшие новогреческий период через призму классической эпохи (Fleming, 2001) и видевшие его корни в эллинском наследии. Стремясь найти следы античного прошлого, западные интеллектуалы рассматривали Грецию как колыбель цивилизации, демократии, науки и философии. Греческое наследие было возвеличено еще в эпоху Возрождения. Представления о Древней Греции как о высочайшем достижении человечества во многом связаны с формированием единой европейской идентичности и с попытками найти идеализированных предков того, что называется европейской цивилизацией. Эллинское прошлое было использовано для создания ореола подлинности европейской идентичности и проведения идеологического размежевания между «цивилизованным» Западом и «отсталым» Востоком.

В соответствии с представлениями о классической непрерывности, исторический путь нации рассматривался как прямая линия без каких-либо разрывов, идущая от древности к современности. Нация представлялась как однородное и единое образование и определялась как *«воплощение цепи поколений в их прямой связи со славным прошлым Фемистокла, Перикла и Александра Великого»* (Calloni & Mikrakis, 1997). Затем оказалось, что славное прошлое отличает греков не только от турок, но и от проживающих по соседству

славян. Именно прошлое делает членов этой группы греками.

«Эллинизация» новогреческого периода восстанавливает каноническое прошлое через национализм. Формирование исторического самосознания с помощью изменения названий мест в соответствии с названиями, встречающимися в древнегреческой мифологии и литературе, призвано создать прямую связь между античным идеалом и современной эпохой. Власти страны активно участвовали в наделении пространства националистическим звучанием, в то время как карта Древней Греции постоянно перекраивалась с момента создания греческого государства (Liakos, 2008: 230). Изменение названий, возрождение Олимпийских игр и другие проекты эллинизации имели ключевое значение не только для представлений греков о себе, но и для их образа в современном мире.

Неоэллинизм, на уровне дискурса придавший мировое значение одной отдельно взятой нации, наполнил греческую национальную идентичность гордостью. Он поднял статус греков до представителей общепризнанной цивилизации, противопоставив их не только османским «варварам», но и всем другим соперничающим этническим образованиям, возникшим на Балканах (Tsoukalas, 1999: 10). Естественно, этот процесс не был безболезненным. Тяжелое наследие прославленной греческой античности едва ли было подъемным для «потомков Аристотеля». Поли-

¹⁰ Филэллинизм (любовь к греческой культуре) – это интеллектуальное движение первой половины XIX в. Его приверженцы, в числе которых были Джордж Гордон Байрон и Шарль Никола Фавье, выступали за независимость Греции от Османской империи.

тически слабому и экономически неразвитому государству оно принесло серьезные проблемы.

Несоответствие между идеалом Древней Греции и современными условиями было настолько сильным, что греков иногда даже отделяли от западной идентичности (Pollis, 1965). Арнольд Тойнби, один из первых историков новогреческого периода, писал о практически полном отсутствии у греков личной гигиены, об их лени и невежестве. Историк охарактеризовал их как *«прихлебателей Европы, подражающих нам во всем, но их лучшее – всего лишь второсортная имитация того, что у нас следует за лучшим»* (Clogg, 2000: 9–11).

Эллинское прошлое было не единственной отправной точкой для создания национального этоса и национальной идентичности. В качестве возможной альтернативы христианская Византия в большей степени, чем языческая Эллада, могла претендовать на участие в формировании новогреческой нации. Тем не менее, процесс вхождения византийского наследия в национальную историю затянулся на долгие годы.

«В школьных учебниках Византия была реабилитирована только в конце XIX в.; до 1914 г. в стране не было византийского музея; а первые преподаватели византийского искусства и византийской истории появились в Афинском университете в 1912 и 1924 гг. соответственно» (Liakos, 2008: 209–210). Все же миф о возрождении Древней Гре-

ции не был достаточно сильным, чтобы поддерживать национальную идентичность. Этому препятствовал большой временной разрыв. В 1852 г. историк Спиридон Замбелиос (Spyridon Zambelios) утверждал, что *«нам остается только надеяться, что все эти разбросанные и разорванные кусочки нашей истории будут собраны и получат целостность и единство»* (Liakos, 2008: 206).

IV. Османский взгляд: Ромейский миллет

Во времена Османской империи (1299–1919) в основе идентификации лежала религиозная принадлежность. Общество было устроено по системе *миллет*, в соответствии с которой государственное управление и общественный порядок регулировались на основе религиозной идентичности¹¹. Поэтому и концепция большинства в империи имела религиозные, а не этнические основания. В результате османского влияния религия и этническая принадлежность на Балканах по-прежнему тесно связаны друг с другом. Например, в прошлом, если кого-то в Боснии называли турком, это не обязательно означало, что этот человек говорит на турецком. Вполне возможно, что он разговаривал на одном из славянских языков, но был мусульманином. В настоящее время термин мусульманин используется в Боснии как этноним, а не для обозна-

¹¹ Подробно о системе миллет см.: Ortayli, 1998.

чения религиозной принадлежности (Gellner, 1991: 127–136).

В соответствии с системой миллет, все православные христиане составляли *Ромейский миллет* (Рум-миллет)¹². «Быть греком означает быть православным христианином и не быть мусульманином. Таким образом, религиозная и национальная идентификация практически сливались» (Legg & Roberts, 1997: 12). Термин ромеи указывал на религиозно-политическую принадлежность, помогая идентифицировать греков среди православных христиан (Raptis, 1998: 13).

Термин Ромейский миллет относился и к другим этносам, проживавшим на Балканах. Так как ключевым элементом выступала религия, нет ничего удивительного в том, что сепаратистские движения использовали религиозную риторику. Первым крупным проявлением другого национализма на Балканах был болгарский национализм, заявивший о себе через создание новой церкви (Болгарского экзархата). Это был не только религиозный раскол, но и политический акт разрыва с греческим православием, в результате которого должна была появиться новая балканская культура (Tzanelli, 2006: 38–39).

Определение национальной идентичности по религиозному, а не по этническому принципу ярко проявилось во время обмена населением после падения Османской империи, а также в установлении статуса на-

циональных меньшинств в соответствии с религиозной принадлежностью. Последнее было прописано в Лозаннском договоре 1924 г., юридически закрепившем разделение Османской империи. После поражения греческой армии в 1922 г. вся греческая община, проживавшая в западной Анатолии, бежала в Грецию. Это событие получило свое официальное оформление на первом этапе мирной конференции в Лозанне, когда греки и турки 30 января 1923 г. подписали Конвенцию об обмене греческим и турецким населением.

Эта Конвенция, известная как *Мубаделе* (Конвенция об обмене), стала приложением к Лозаннскому договору. Около 700 тыс. человек, получив статус беженцев, были вынуждены покинуть свои родные места (Yildirim, 2006). В соответствии с договором, последние православные общины в Анатолии, понтийские греки на черноморском побережье и караманли – тюркоязычная православная община в центральной Анатолии – были вынуждены иммигрировать в Грецию, которую, в свою очередь, покинули мусульмане (Zürcher, 1992: 164).

Православная церковь, отделенная от Константинопольского Патриархата в 1833 г., оставалась основным источником идентификации (Vickers & Vouloulos, 2007: 507). Тесная связь между греческой культурой и православием была причиной и следствием того, что православная церковь играла главную роль в фор-

¹² Грекоязычное население Византийской империи использовало самоназвание «ромей», сохранившееся и во времена Османской империи.

мировании национальной истории. Хотя Европа и возродила эллинское прошлое как эпоху своих славных предков, т. е. первых европейцев, все реально существующие обычаи и традиции были связаны с православной верой, а не с язычеством древних греков. Черпая вдохновение из византийского прошлого, греки отмежевывались не только от турок-османов, но и от жителей Западной Европы.

Один из студентов, изучавших историю Греции, так сказал об этом: «С того времени как Сулейман Великолепный¹³ потерпел неудачу у стен Вены, Дунай стал главной культурной границей, отделившей не только цивилизованный Запад от грубоватого Востока, но и западное христианство от восточного» (Tsoukalas, 1999: 10). Такая концепция греческой культуры подчеркивает ее незападноевропейские черты и, если использовать термин Майкла Херцфельда (Herzfeld, 2002), «криптоколониальные» отношения с державами Западной Европы.

Во многом под влиянием византийского прошлого и османской системы *миллет* православие в Греции получило конституционный статус «доминирующей» религии, а значит, юридически стало элементом греческой культуры (Tzanelli, 2006: 39). Церковь играет заметную роль в деятельности государства. Требование присягать на Евангелии, необходимость предварительно получить согласие духовенства на строитель-

ство или ремонт неправославной церкви или мечети и обязательный курс православия не совсем вписываются в европейское понимание секуляризма. Конечно, гражданин Греции может отказаться присягать на Евангелии и не разрешить своим детям посещать занятия по православной культуре, но все это должно быть юридически оформлено, выливаясь в публичное заявление о своей неправославной принадлежности (Rougheri, 1998).

Говоря о византийском прошлом, невозможно не упомянуть так называемую Великую идею (*Megali Idea*), в соответствии с которой все территории, где проживают греки по происхождению, должны быть объединены в мощное и независимое греческое государство (Triandafyllidou, 1997). Эта идея, направленная на создание Православного содружества, по-прежнему существует и находит поддержку у многих националистов, несмотря на то что Греция подписала Хельсинкскую хартию о неизменности границ.

V. Православные язычники: двойственность культурной субстанции греческой нации

Европейское и османское влияние привели к двойственности греческой национальной идентичности. До 1830 г. даже название новой на-

¹³ Будучи известен на Западе как Сулейман Великолепный, Сулейман I правил в Османской империи с 1520 г. до своей смерти в 1566 г. Его правление было самым длительным в истории государства.

ции оставалось предметом для дискуссий. Было непонятно, будут ли это греки, ромеи или эллины. Такой неопределенности способствовали множественность и противоречивость истоков греческой нации. Греки могли опереться на славную античность, которая дала бы им всеобщее признание и престиж, одновременно превратив их ближайшее прошлое в темные века Византийской и Османской империй.

Игнорирование византийского наследия и православной веры в национальной идентичности вряд ли было возможно ввиду их реального влияния на политическую и культурную жизнь Греции. Объявив себя преемниками православной Византии, греки неизбежно отодвинули бы на второй план символическое значение эллинского прошлого как первой европейской цивилизации (Tsoukala, 1999: 11).

С 1830 г. греческой историографии понадобилось более сорока лет, чтобы разрешить эту проблему. Выход был найден в двойственной идее об «эллино-христианстве». В ее основе лежало представление о преемственности между языческой античностью и византийским христианством. Национальная преемственность между древней Элладой и восточным православием подразумевает, что оба исключаящих друг друга компонента должны быть объединены в едином историческом синтезе. В такой схеме Византия служит переходным мостиком от античности к новогреческому периоду. Неопределенные и несвязанные друг с другом символы были спрессованы в единой

национальной идентичности. Греки стали и язычниками, и православными. Соединение двух идентичностей служило инструментом для поддержания чувства национального достоинства. Как сказал бывший премьер-министр Греции Константинос Караманлис (Constantinos Karamanlis) (2004–2009), «*нация и православие ... стали в греческом сознании практически синонимами, составляя нашу эллино-христианскую цивилизацию*» (цит. по: Ware, 1983: 208).

Такая двойственность и сконструированное содержание национализма предполагают некоторую гибкость. Как в калейдоскопе, греки выбирают разные элементы своей идентичности, то выступая перед жителями Западной и Восточной Европы наследниками эллинов, то объявляя себя преемниками Византии, когда речь заходит о турках, считающих себя продолжателями Османской империи. Только так греки могут подчеркнуть свое отличие, если не превосходство над другими. На этом примере можно наблюдать относительный характер национализма, некоторую ценность которого можно понять только по отношению к кому-то внешнему.

VI. Отрицательная греческая самость: окруженные врагами

Двойственность национализма компенсируется отношениями «мы–они» (свои–чужие), в которых «мы» выступает чем-то высшим по отношению к «они». «Мы» и «они»

существуют по отношению друг к другу. Как писал один из студентов, изучающих греческую политику, «*есть греки, так как есть турки*» (Spyros, 2002). Все это не отрицает формирования национальной идентичности на основе общих языка, истории, обычаев и т.д. Однако негативная самость служит своего рода клеем, соединяющим различные общины, связи между которыми могут распасться, если нет нации, несущей внешнюю угрозу. Периодическое упоминание турок как врагов греков направлено на укрепление двойственной греческой идентичности.

Дихотомия «мы–они» свойственна не только грекам. В древности она служила способом противопоставления греческой цивилизации и «варварских» народов. В течение двух последних веков наиболее значимой для греков внешней группой были турки. Греко-турецкий конфликт возник как столкновение национализмов, продолжающееся со времен войны за независимость 1821 г.¹⁴ В частности, относительно свежим примером усугубления этого противопоставления может послужить турецкое вторжение на Кипр в 1974 г., которое привело к разделению острова на турецкую и греческую части.

В последние десятилетия Республика Македония, вслед за другими югославскими республиками провозгласившая свою независимость в 1991 г., постепенно становилась для

греков значимым «другим», религиозно и политически связанным с турками (Triandafyllidou, 1997). В то время как Македония настаивает на своем праве использовать официальное название Республика Македония и требует его международного признания, Греция заявляет, что такое название посягает на греческое наследие и провоцирует движение за присоединение к Македонии области в северной Греции, которая также называется Македония. Из-за позиции греческого государства Республика Македония вступила в ООН под временным названием – Бывшая Югославская Республика Македония (Former Yugoslavian Republic of Macedonia).

VII. О будущем

Во-первых, целью настоящей работы была попытка объяснения, что национализмы, заявляя о монолитной и спаянной нации, на самом деле имеют двойственный характер. Во-вторых, сделан акцент на роли противоречивости понятия нация в уравнивании неопределенности, характерной для «утвердительной самости». Двойственность может быть весьма эффективна при поддержании чувства собственного достоинства перед «другими». Тем не менее, такое положение дел может привести к конфликтам. На-

¹⁴ Отрицательный образ турок как «других» повсеместно присутствует в греческой истории и учебниках. Однако с 1990-х гг. наблюдаются постоянные попытки удалить националистические нападки и безапелляционные утверждения. См.: Kostarella, 2007.

пример, двойственность греческой идентичности отчетливо проявилась во время Олимпийских игр, которые рассматривались как отражение «просвещенного» эллинского прошлого.

В 2004 г. Греция принимала делегации из множества стран. И все же хотя древние греки и создали демократию, православный характер страны проявился в ходе дискуссий о строительстве в Афинах мечети (Пет, 2003). В настоящее время Афины – это единственная европейская столица, где нет действующей мечети¹⁵. Иногда эти противоречивые черты могут быть представлены в конкурирующих национализмах.

Изменения в утвердительной и отрицательной самости в значительной степени зависят от внутренних и международных условий. Одним из определяющих факторов выступает позиция Европейского Союза, подталкивающего Грецию к принятию более открытого и территориально-ориентированного подхода в вопросе о гражданстве. Кроме того, ЕС настаивает на уменьшении роли этнического начала в национальной идентичности. Более того, постоянно всплывает идея о необходимости принять европейскую идентичность, что находит активную поддержку у административных органов ЕС. В этой связи европейцы возрождают греческую идентичность как идентичность предков европейской цивилизации. Соответственно, эллины становятся первыми европейцами. Если ЕС удастся создать некую «на-

дыдентичность», то это, несомненно, усилит у греков эллинскую составляющую.

С другой стороны, стремление Турции стать полноправным членом ЕС катализирует православную идентичность. В частности, кипрский вопрос и роль Турции в его разрешении могут привести к актуализации византийской составляющей. Более того, наплыв иммигрантов из Восточной Европы и Азии наряду с защитой ЕС прав меньшинств также способны осложнить этнический вопрос.

У национализма нет единого голоса. Для специалистов, занимающихся вопросами национализма, греческий опыт представляет наибольший интерес. «Возрожденное» античное прошлое Греции и постоянное переосмысление новогреческой идентичности позволяют рассматривать греческий национализм с позиций как модернистского, так и этно-символического подходов. Не суть важно, является нация современным образованием или существует постоянно. Будущие исследования национализма будут иметь перспективу только после придания им определенного психологического измерения, которое поможет нам понять его устойчивость.

*Перевод с английского языка на
основе авторского оригинала
Александра Филиппова*

¹⁵ В 2010 г. греческое правительство объявило о своем решении построить в столице мечеть.

Литература

1. Anderson, B. *Imagined Communities*. London : New Verso, 1983.
2. Billig, M. *Banal Nationalism*. London : Sage, 1995.
3. Clogg, R. *A Concise History of Greece*. Cambridge and New York : Cambridge University Press, 1992.
4. Clogg, R. *Anglo-Greek Attitudes: Studies in History*. London : St Martin's Press and New York : Macmillan, 2000.
5. Danforth, L.M. *The Macedonian Conflict: Ethnic Nationalism in a Transnational World*. Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1995.
6. Fleming, K.E. *The Paradoxes of Nationalism: Modern Greek Historiography and The Burden of the Past* [Electronic resource] // British Royal Institute for Inter-Faith Studies. 2001. № 3 (2). Mode of access : www.rlifsof.org/review_articles/review_v3no2_fleming.htm.
7. Gellner, E. *Nations and Nationalism*. Oxford : Basil Blackwell, 1983.
8. Gellner, E. *Nationalism and Politics in Eastern Europe* // *New Left Review*. 1991. № 189. P. 127–136.
9. Gibbons, F. *Patriot Games* // *The Guardian*. 2004. Nov 19.
10. Herzfeld, M. *The absent presence: discourses of crypto-colonialism* // *South Atlantic Quarterly*. 2002. № 101 (4). P. 899–926.
11. Hobsbawm, E.J. *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge : CUP, 1990.
12. Ignatieff, M. *Blood and Belonging: Journeys into the New Nationalism*. New York : Farrar, 1993.
13. Ilem, M. *Olimpiyatta Din Kavgasi* // *Cumhuriyet*. 2003. Oct 1.
14. Jenkins, B., Sofos, S.A., eds. *Nation and Identity in Contemporary Europe*. London and New York : Routledge, 1996.
15. Kedourie, E. *Nationalism*. London : Hutchinson, 1960.
16. Kostarella, I. *Framing the Other: Turkey in the Greek Press* // GMJ: Mediterranean Edition. 2007. № 2 (1). P. 23–32.
17. Legg, K., Roberts, J., eds. *Modern Greece – A Civilization on the Periphery*. Boulder, Colorado : Westview Press, 1997.
18. Liakos, A. *Modern Greek Historiography (1974–2000). The Era of Tradition from Dictatorship to Democracy* // Ulf Brunbauer (ed.). (Re)Writing History. Historiography in Southeast Europe After Socialism. Münster : LIT Verlag, 2004. P. 351–378.
19. Liakos, A. *Hellenism and the Making of Modern Greece: Time, Language, Space* // Katerina Zacharia (ed.). *Hellenisms. Culture, Identity and ethnicity from Antiquity to Modernity*. Aldershot : Ashgate, 2008. P. 201–236.
20. Monroe, K.R., Hankin, J., van Vechten, R.B. *The Psychological Foundations of Identity Politics* // *Annual Review of Political Science*. 2000. № 3. P. 419–447.
21. Morgan, D.L., Schwalbe, M.L. *Mind and self in society – linking social structure and social cognition* // *Social Psychology Quarterly*. 1990. № 53 (2). P. 148–164.
22. Nietzsche, F. *On the Use and Abuse of History for Life (1873)* [Electronic resource]. Ian Johnson, trans. 1998. Mode of access : <http://www.mala.cb.ca/~johnstoi/nietzsche/history.htm>.
23. Ortayli, I. *The Ottoman millet system and its social dimensions* // R. Larsson, et al. (eds.) *Boundaries of Europe?* Stockholm : Forskningsradsnamnden, 1998. P. 120–126.
24. Pettifer, J., ed. *The New Macedonian Question*. New York : Palgrave, 1999.
25. Pollis, A. *Political Implications of the Modern Greek Concept of Self* // *The British Jour-*

- nal of Sociology. 1965. № 16 (1). P. 29–47.
26. Raptis, M.A. *Greece: A Study in Nationalism* // The Helvidius. 1998. № 9 (1). P. 82–90.
 27. Rougheri, C. *Traditional Greek Nationalism Breeds New Display of Intolerance* // AIM Athens. 1998. Jun 24.
 28. Schöpflin, G. *Citizenship, Ethnicity and Cultural Reproduction* // Nations, Identity, Power: The New Politics of Europe. London : Hurst&Co, 2000.
 29. Smith, A. *Natianol Identity*. Harmondsworth : Penguin, 1991.
 30. Spyros, S. *Images of 'the Other': 'The Turk' in Greek Cypriot children's imaginations* // Race Ethnicity and Education. 2002. № 5 (3). P. 255–272.
 31. Tajfel, H. *Experiments in intergroup discrimination* // Scientific American. 1970. № 223. P. 96–102.
 32. Tamir, Y. *Theoretical Difficulties in the Study of Nationalism* // Ronald Beiner (ed.). Theorizing Nationalism. Albany : SUNY Press, 1999. P. 67–90.
 33. Triandafyllidou, A., Calloni, M., Mikrakis, A. *New Greek Nationalism* [Electronic resource] // Sociological Research Online. 1997. № 2 (1).
 34. Triandafyllidou, A., Paraskevopoulou, A. *When is the Greek Nation? The Role of Enemies and Minorities* // Geopolitics. 2002. № 7 (2). P. 75–98.
 35. Triandafyllidou, A. *When, What and How is the Nation? Lessons from Greece* // Atsuko Ichijo and Gordana Uzelac (eds.). *When is the Nation? Towards an Understanding of Theories of Nationalism*. London and New York : Routledge, 2005. P. 177–195.
 36. Tsoukalas, C. *European modernity and Greek national identity* // Journal of Southern Europe and the Balkans. 1999. № 1(1). P. 7–14.
 37. Tzanelli, R. *'Not My Flag!' Citizenship and nationhood in the margins of Europe* // Ethnic and Racial Studies. 2006. № 29 (1). P. 27–49.
 38. Vickers, J., Vouloulos, A. *Changing Gender/Nation Relations: Women's Role in Making and Restructuring the Greek Nation-State* // Nationalism and Ethnic Politics. 2007. № 13. P. 501–538.
 39. Ware, K. *The Church: A Time for Transition* // Richard Clogg (ed.). *Greece in the 1980s*. Basingstoke : MacMillan, 1983. P. 208–227.
 40. Wayne, N. *Theorizing Nationalism (Normatively): The First Steps* // Ronald Beiner (ed.). *Theorizing Nationalism*. Albany : SUNY Press, 1999. P. 51–66.
 41. Yack, B. *The Myth of the Civic Nation* // Ronald Beiner (ed.). *Theorizing Nationalism*. Albany : SUNY Press, 1999. P. 103–118.
 42. Yildirim, O. *The 1923 Population Exchange, Refugees and National Historiographies in Greece and Turkey* // East European Quarterly. 2006. № 40 (1). P. 45–70.
 43. Zürcher, E.J. *Turkey – A Modern History*. London : I. Tauris, 1992.

Дополнительные источники

1. Constantine, D. *Early Greek Travellers and the Hellenic Ideal*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
2. Deutsch, F. *Nationalism and Social Communication*. New York: MIT Press, 1966.
3. Hacı, H. *Bati Trakyali Turk, 'super vali' adayı gosterilince Yunanistan karisti* // Zaman. 2006. May 7.
4. Halkias, A. *Money, God and Race – The Politics of Reproduction and the Nation in Modern Greece* // The European Journal of Women's Studies. 2003. № 10 (2). P. 211–232.